

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАРНАУЛЬСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

Преступления экстремистской направленности,
совершаемые в вербальной форме:
проблемы квалификации и особенности
их расследования следователями ОВД

БАРНАУЛ, 2026

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Барнаульский юридический институт МВД России

**Преступления экстремистской
направленности, совершаемые
в вербальной форме: проблемы
квалификации и особенности
их расследования следователями ОВД**

Методические рекомендации

Барнаул
2026

УДК 343.34:004(083.13)

ББК 67.408.131c51p30

П 781

Авторы:

Брагина А. Г. — канд. юрид. наук, доцент; *Ермакова О. В.* — доктор юрид. наук, доцент; *Суверов С. Е.* — канд. юрид. наук; *Лоос Е. В.*; *Крынин А. А.*

Рецензенты:

заместитель начальника следственной части по расследованию
организованной преступной деятельности ГСУ ГУ МВД России
по Алтайскому краю *Д. В. Остащенко*;

заместитель начальника отдела фоноскопических экспертиз ЭКЦ ГУ
МВД России по Алтайскому краю, кандидат филологических наук
П. А. Манянин.

Преступления экстремистской направленности,
П 781 совершаемые в вербальной форме: проблемы квалификации
и особенности их расследования следователями ОВД :
методические рекомендации / А. Г. Брагина, О. В. Ермакова,
С. Е. Суверов и др. — Барнаул : Барнаульский юридический
институт МВД России, 2026. — 40 с.

ISBN 978-5-94552-662-4

В методических рекомендациях рассматриваются актуальные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности, совершаемых в вербальной форме, а также особенности их расследования следователями ОВД.

Методические рекомендации адресованы курсантам, слушателям, адъюнктам образовательных организаций высшего образования системы МВД России, практическим работникам и преподавателям.

УДК 343.34:004(083.13)

ББК 67.408.131c51p30

ISBN 978-5-94552-662-4

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2026
© Коллектив авторов, 2026

Введение

Одной из важнейших форм противодействия экстремизму, непосредственно реализуемой органами внутренних дел (далее — ОВД), является деятельность, направленная на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности¹.

К преступлениям экстремистской направленности относятся «общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам ненависти или вражды по признакам политической, идеологической, расовой, языковой, национальной или религиозной принадлежности либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или представителей органов публичной власти, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, угрожающие конституционному строю Российской Федерации, суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации или направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, а также иные публичные действия, направленные на разжигание ненависти»².

Согласно указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 462/11 и МВД России № 2 от 25.06.2024, принятому в целях обеспечения единого подхода и полноты отражения в формах федерального статистического наблюдения сведений о состоянии преступности в Российской Федерации в дополнение к Инструкции о порядке заполнения и представления учетных документов³, к числу преступлений экстремистской направленности, расследование уголовных дел по которым осуществляется следователями ОВД⁴, относятся деяния, предусмотренные:

¹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Подпункт 4 пункта 4 того же указа.

³ См.: Приложение № 3 приказа Генеральной прокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Министерства экономического развития и торговли России и Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ См.: пункт 3 ч. 2 ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

- пунктом «е» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 или 3 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) — без дополнительных условий;

- частью 3 ст. 111, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 243, ст. 280.3 УК РФ — при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (далее — экстремистский мотив);

- частью 2 и 3 ст. 163, ч. 2–6 ст. 222, 222.1, 223, ч. 1–3 ст. 223.1, 226 УК РФ — с учетом наличия в статистической карточке отметки о связи совершенных преступлений с экстремистской деятельностью¹.

С учетом того, что лишь часть из них непосредственно совершается в вербальной форме² либо сопряжена с внешне выраженной вербализацией³ экстремистских мотивов, настоящие методические рекомендации будут посвящены конкретным посягательствам, а именно предусмотренным соответствующими частями и пунктами ст. 111, 117, 213 и 280.3 УК РФ. В работе будет проанализировано понятие «вербальный экстремизм», раскрыты проблемные вопросы квалификации указанных преступлений. Кроме того, авторы определили особенности методики расследования следователями ОВД данных преступлений в части назначения судебных экспертиз и получения образцов для сравнительного исследования.

¹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс]: указание Генеральной прокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Вербальный (от лат. *verbum* — «слово») — «словесный, устный» (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. М.: АЗЪ, 1996. С. 70).

³ Вербализация — реализация намерения субъекта выразить свою мысль в словесной форме; завершающая фаза порождения речевого высказывания, переход от внутренней речи к внешней речи (см.: Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. С. 34).

§ 1. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности, совершаемых в вербальной форме, расследование уголовных дел по которым осуществляется следователями органов внутренних дел

В контексте исследуемой правовой проблемы ключевое значение имеет не только отнесение определенных преступлений к достаточно широкому по смыслу понятию «экстремистская деятельность (экстремизм)», но и к вербальному экстремизму.

С первым моментом в целом все достаточно очевидно. Поскольку сами составы преступлений предполагают наличие непосредственного «нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии», осуществления «воспрепятствования законной деятельности государственных органов», «публичные призывы к осуществлению указанных деяний»¹ и т. д., то это, собственно, обусловило отнесение преступлений, предусмотренных ст. 111, 117, 213 и 280.3 УК РФ, к преступлениям экстремистской направленности как на уровне отечественных нормативных правовых актов, так и предмета настоящего исследования.

Относительно же вербального экстремизма требуется уточнение. В российских источниках права термин «вербальный экстремизм» отсутствует. В то же время в доктрине он определяется как законодательно запрещенная деятельность, влекущая административную или уголовную ответственность, которая осуществляется посредством речевых действий и специальных средств речевого воздействия на сознание и поведение людей («речевое правонарушение»). Эта деятельность реализуется через пропаганду, подстрекательство, призывы и оправдание экстремистских действий, мотивирована экстремистскими побуждениями². Нужно подчеркнуть, что термин «вербальный экстремизм» употребляется преимущественно в междисциплинарных ис-

¹ См.: статью 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Громова Н. С. Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 212; Дединкин А. Л. Терминологизация категории «вербальный экстремизм»: юрислингвистическое осмысление // Язык и ментальность в диахронии: сб. науч. тр. по итогам IV Всерос. науч. семинара для молодых ученых с междунар. участием, посв. 90-летию со дня рождения В. В. Колесова (Владимир, 27 сентября 2023 г.). Владимир: Владимирский гос. ун-т имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2024. С. 527–534.

следованиях, в первую очередь юрлингвистических, а также научных работах, посвященных уголовно-правовой проблематике, судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности¹.

Вербальная форма характерна для целой группы преступлений и конкретно такого обязательного признака объективной стороны, как общественно опасное деяние. Она выражается в донесении до сознания потерпевшего информации, представленной системой звуков (речь) и сигналов (речь глухонемых, которая включает в себя и невербальные компоненты — поза, мимика, жест), в устной или письменной форме, т. е. содержащейся на конкретном носителе информации и необязательно в виде речи. Вербализация внутренних процессов — нередко исключительно единственное их средство выражения, например, в тех случаях, когда виновный не имеет возможности ударить потерпевшего². Подобное особенно характерно для преступлений, совершаемых в сети Интернет.

В ходе расследования уголовного дела о преступлении экстремистской направленности, совершенном в вербальной форме, осуществляемого следователем ОВД, требуется решение задачи правильной юридической оценки вербализированных внутренних процессов, протекавших в психике виновного, выраженных вовне в форме конкретного уголовно наказуемого посягательства, демонстрирующих мотивы, ставшие причиной совершения преступления против здоровья человека, общественного порядка, основ конституционного строя и безопасности государства, т. е. направленных на образование помех осуществлению функций государства либо деление общества по принципам превосходства отдельных групп людей³. Мы полагаем, что следователь ОВД может оценить непосредственное влияние указанного способа преступления на механизм его совершения, момент окончания

¹ Например: Громова Н. С. Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина. С. 214; Никишин В. Д. Тенденции и опыт противодействия идеологии религиозного экстремизма и терроризма на европейском пространстве // Новые вызовы терроризма и экстремизма: формы и методы противодействия: мат-лы II Междунар. научно-практ. конф-ции (Владимир, 16 марта 2017 г.). Владимир: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2017. С. 63–68; Панина Ю. А., Левченко А. И. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности как средство противодействия экстремизму // Гражданин и право. 2022. № 9. С. 46–48.

² Брагина А. Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2008. С. 80, 98.

³ Громова Н. С. Вербальный экстремизм: превентивная политика и стратегии противодействия // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2015. № 4. С. 194–214.

и другие аспекты, подлежащие анализу в ходе квалификации содеянного.

Опираясь на основополагающие принципы, определяющие характер взаимоотношений личности и Российского государства, гарантированных гл. 1 и 2 Конституции Российской Федерации¹, дадим уголовно-правовую характеристику преступлений против личности, совершаемых по экстремистскому мотиву.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), истязание (ст. 117 УК РФ).

Важным при квалификации этой группы общественно опасных деяний экстремистской направленности является верное определение такого обязательного признака субъективной стороны состава преступления, как мотив. Им является политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда, а равно ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы. Нужно заметить, что указанный признак является общеуголовным, и его отсутствие в норме требует обращения к п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, т. е. к обстоятельствам, отягчающим наказание. Все преступления, которые совершаются с данным мотивом, относятся к преступлениям экстремистской направленности (примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ).

Следовательно, значимым для правоприменителя является умение различать соответствующие виды ненависти или вражды, как то: политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная, а также понимать, как они вербализируются в случае совершения соответствующих посягательств на личность. Немаловажным для квалификации представляется знание содержания такого термина, как «социальная группа». Уголовный закон России не содержит определения указанных понятий и их признаков.

Ненависть понимается как чувство вражды, злобы, а вражда — как недоброжелательные, неприязненные, проникнутые ненавистью отношения и действия. Соответственно, ненависть — это внутреннее отношение лица к каким-либо явлениям, тогда как вражда предполагает под собой активную реализацию негативных намерений. Такое воплощение происходит посредством вербальных высказываний в адрес потерпевшего².

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.

Анализ судебно-следственной практики позволяет заключить, что в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора в части изложения субъективной стороны состава преступления данные термины употребляются совместно. В качестве примера приведем дело А. Судом было установлено, что в ходе распития спиртных напитков около 20 часов 30 марта 2018 г. между ним и потерпевшим возник конфликт, в ходе которого А., являясь крымским татарин, стал высказывать потерпевшему оскорбления и призывы к уничтожению русской нации, тем самым выражая словесную ненависть, вражду и непримиримую неприязнь к лицам славянских национальностей. Одновременно с этим А. ударил потерпевшего кухонным ножом в область задней поверхности груди, причинив тем самым телесные повреждения. Содеянное было квалифицировано по п. «е», «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, совершенное по мотивам национальной ненависти и вражды, с применением предмета, используемого в качестве оружия¹.

Политическая ненависть или вражда выражаются в негативном отношении к представлениям человека или его действиям в сфере организации власти и управления государством (например, о форме правления, форме государственного устройства, принятии законов).

Идеологическая ненависть или вражда базируются на отрицании принимаемой другим человеком системы идей, взглядов, убеждений и ценностей, которая объясняет и оправдывает социальное, политическое или экономическое устройство общества (например, либерализма, консерватизма, анархизма).

Расовая ненависть или вражда исходят из негативного отношения к наиболее значимой в сравнении с национальной группе людей, имеющей общие физические особенности, такие, как цвет кожи, волос, форма лица и другие биологические признаки.

Национальная ненависть или вражда — это неприязненное отношение к определенной этнической общности людей, характеризующейся некими особенностями². В частности, славяне используют сла-

¹ Архив Судакского городского суда Республики Крым за 2018 г. Д. № 1-41/2018. URL: https://sudak--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=213877199&case_uid=ad0b3879-4710-429a-b81f-e45c725f75bf&delo_id=1540006 (дата обращения: 01.08.2025).

² Справочно-информационный портал по русскому языку. URL: <https://gramota.ru> (дата обращения: 01.08.2025); Таюрская Е. А. Политическая, идеологическая, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда как мотивы совершения преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 3. С. 23–24.

вянские языки, русские имеют единую культуру, традиции, придерживаются схожих обычаев и т. д., и эти факты определяют негативное отношение и, соответственно, мотив субъекта.

Заметим, что ненависть или вражда могут быть применимы одновременно к нескольким составляющим, рассмотренным выше, определяющим сложную по содержанию мотивацию виновного. Например, судом было установлено, что Н. совершил убийство по мотивам расовой и национальной ненависти и вражды, а именно: у него сложились убеждения экстремистского характера, т. е. убеждения об исключительности и превосходстве русской нации, «белой расы», неполноценности человека по признаку его расовой и национальной принадлежности, и возникло крайне неприязненное отношение к лицам неславянских национальностей — выходцам из Кавказского региона и государств Средней Азии, представителям негроидной и монголоидной расы, которых он причислил к низшей категории людей по расовому и национальному признаку¹.

Религиозная ненависть или вражда основываются на негативном отношении к религиозным предпочтениям человека: исповедованию определенной религии (например, христианству, буддизму, исламу), выбору какого-либо направления в религиозном течении (например, шиизму и суннизму), отрицанию существования какой-либо религии (атеизму) или неприятию никакой религии (агностицизму). Например, как приготовление к убийству двух или более лиц по мотиву религиозной ненависти или вражды были квалифицированы действия подсудимого, который, испытывая ненависть к лицам, исповедующим религию, отличную от ислама, решил совершить убийство прихожан православного собора. Вооружившись заряженным огнестрельным оружием, он прибыл к Свято-Успенскому кафедральному собору в г. Махачкале, однако был задержан на месте сотрудниками правоохранительных органов, не успев никого убить или ранить².

Правоприменитель, опираясь при этом на конкретную ситуацию, должен четко определять, по какому признаку или (признакам) со стороны подозреваемого (обвиняемого) проявлялась ненависть или вражда к потерпевшему.

Наконец, отметим, что социальная группа представляет собой совокупность людей, имеющих общие имущественные, профессиональ-

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2013. Д. № 46-АПУ13-20. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/sj1KsW6yO1Ys> (дата обращения: 01.08.2025).

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2019. Д. № 205-АПУ19-37. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/fvsSv6zhrwJa> (дата обращения: 01.08.2025).

ные, служебные или иные признаки. К ним относятся водители, пешеходы, велосипедисты, родители, спортсмены и пр.

Квалификация подобных преступлений против жизни и здоровья обязательно должна учитывать названный экстремистский мотив. При этом недопустимо предъявлять лицу обвинение в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью одновременно и из хулиганских побуждений, и по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы¹.

Вместе с тем преступления, предусмотренные гл. 16 УК РФ, в ряде случаев могут совершаться вследствие личных неприязненных отношений между виновным и потерпевшим, т. е. когда действия были вызваны именно негативным отношением к потерпевшему или нескольким потерпевшим, а не тем обстоятельством, какой он/они национальности, расы, каково его/их отношение к религии и т. д. На наличие личных неприязненных отношений могут указывать длительность отношений (знакомства) между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшим, имевший место конфликт между ними (связанный только с качествами личности). Неприязненные отношения могут формироваться или предшествовать поведением потерпевшего, которое не нравится (осуждается) подсудимым, что может провоцировать конфликты, или нахождением подсудимого в определенной ситуации, которая позволяет ему негативно воспринимать личность потерпевшего. Например, подсудимый был признан виновным в истязании (причинении психических и физических страданий путем систематического нанесения побоев) на почве личных неприязненных отношений к своей матери, которая находилась в беспомощном состоянии в силу возраста и болезни (п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Как было установлено в суде, наличие личных неприязненных отношений было вызвано необходимостью подсудимого выполнять действия по уходу за потерпевшей².

В свою очередь, наличие такого мотива в действиях подсудимого, как национальная ненависть и вражда, опосредованы принадлежностью подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего к разным национальностям, что подтверждается судебно-следственной практикой.

¹ Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Архив Михайловского районного суда Алтайского края за 2019 г. Д. № 1-115/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mnOD54i5Vg1O/> (дата обращения: 01.08.2025).

Так, согласно приговору Симоновского районного суда г. Москвы подсудимый являлся гражданином Российской Федерации, мировоззренческая позиция которого базировалась на националистических идеях исключительности русской этнической общности и дискриминационном противопоставлении ее представителям иных этносов, преимущественно неславянского происхождения. Это выразилось в том, что перед умышленным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшему (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ) подсудимый, увидев ранее незнакомое ему лицо неславянской внешности, высказался в его адрес словами, демонстрирующими побуждение к насильственным действиям против группы лиц, выделенной по признаку национальности и происхождения («хач», «чурка», «чернож...»), что отражено в результатах проведенной комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы¹. Как мы можем наблюдать, потерпевший не высказывался в адрес подсудимого, не провоцировал его на конфликт, не был с ним знаком, что не позволяет вести речь о наличии личных неприязненных отношений между ними. Важно, что такие действия не были публичными и потому не могли привести к возбуждению ненависти или вражды в других людях. Указанное обусловило справедливый вывод об отсутствии реальной совокупности конкретного преступления против здоровья и деяния, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ².

Подчеркнем, что при совершении рассматриваемых преступлений против жизни и здоровья выражение в вербальной форме негативного отношения по рассмотренным ранее мотивам не является признаком объективной стороны преступления, но оно неразрывно с ним связано и опосредует наступление дальнейших общественно опасных последствий.

Таким образом, полагаем, что для верной квалификации содеянного следователь ОВД должен точно устанавливать мотив, которым при совершении преступления против жизни и здоровья руководствовался подозреваемый (обвиняемый), в ходе предварительного расследования правильно разграничивать конкретный вид ненависти или вражды, и это должно находить отражение в процессуальных документах (например, постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении).

¹ Архив Симоновского районного суда г. Москвы за 2019 г. Д. № 1-363/19. URL: <https://ms.mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/criminal> (дата обращения: 01.08.2025).

² Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Хулиганство (ст. 213 УК РФ). Введение законодателем в 2007 г. в состав хулиганства такого криминообразующего признака, как «совершение по мотивам политической, идеологической, расовой, религиозной ненависти или вражды» (в действующей редакции это п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ) предопределило отнесение этого деяния к числу экстремистских.

Поскольку предметом исследования выступают только преступления, выражающиеся в вербальной форме, соответственно, необходимо выделить возможные две разновидности такого хулиганства:

1. Грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, проявляющееся по отношению к членам определенной национальной, религиозной, расовой группы, не связанное с применением насилия или угроз.

2. Аналогичные действия, сопровождающиеся насилием или угрозами либо применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Квалификация первого случая сопряжена с определенными сложностями, связанными с толкованием общественно опасного деяния в составе хулиганства. Проблемы уяснения деяния, закреплённого в ст. 213 УК РФ, объясняются следующими причинами: во-первых, действия, описывающие хулиганство, выражаются в оценочных понятиях «грубое нарушение», «явное неуважение к обществу»; во-вторых, применение п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ полностью зависит от констатации лишь общественно опасного деяния, а иные признаки объективной стороны значения не имеют; в-третьих, проблемным представляется отграничение уголовно наказуемого хулиганства от мелкого.

Следовательно, органам предварительного следствия необходимо уяснить общее толкование оценочных терминов и в процессуальных документах отражать их характеристику применительно к конкретной ситуации¹. От качественного описания в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого зависит возможность и правильность квалификации преступления как хулиганства в обвинительном заключении общественно опасного деяния.

В этой части можно сформулировать следующие рекомендации правоприменительным органам:

- нарушение общественного порядка предполагает умышленное несоблюдение сложившихся в обществе правил (как законодательно

¹ Ермакова О. В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М.: Юрлитинформ, 2022. С. 294–295.

определенных, так и следующих из традиций и обычаев), гарантирующих спокойствие, безопасность членам социума.

При этом деструктивное воздействие по своей степени вредоносности должно быть грубым. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» представлено обобщенное толкование, поскольку обозначен не перечень действий, а формулировка о необходимости учета способа, времени, места их совершения, интенсивности, продолжительности и т. д. (п. 1);

- явное неуважение к обществу означает очевидную, открытую демонстрацию желаний со стороны лица не соблюдать правила социума и противопоставить себя им.

При производстве предварительного расследования правоприменительным органам необходимо рекомендовать не ограничиваться механическим цитированием ст. 213 УК РФ, а использовать предложенное толкование общественно опасного деяния.

Вербальная форма таких действий предполагает выражение агрессии словесно в виде оскорблений с использованием нецензурной брани, глумление над представителем той или иной группы, высказывание угроз различного содержания (в этой части необходимо помнить, что угроза применением насилия образует самостоятельный состав, закрепленный п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

Однако, как показывает анализ судебно-следственной практики, вербальная форма совершения деяния квалифицируется как хулиганство только при наличии иных действий, помимо словесных. Так, Н. по мотиву политической и национальной ненависти, подойдя к стеле «Город-герой Одесса», положил на стелу находящийся у него флаг Российской Федерации с прикрепленной к нему Георгиевской лентой. Затем, выражаясь нецензурной бранью, выкрикивая слова «Пойду подожгу возле Украины», поджег флаг Российской Федерации с прикрепленной к нему Георгиевской лентой¹.

Действия, выражающиеся в нецензурных высказываниях, могут подкрепляться применением оружия или предметов. Например, Ф., испытывая ненависть в отношении русских по национальности, игнорируя нормы общественной морали, грубо нарушая общественный порядок и выражая явное неуважение к обществу, общепризнанным

¹ Архив Тверского районного суда Московской области за 2022 г. Д. № 01-0332/2022. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/criminal/details/5c5bc4b0-a918-11ec-a683-bb3a2aada925?participant=Новиков> (дата обращения: 30.07.2025).

нормам и правилам поведения, без видимого повода, желая противопоставить себя окружающим и продемонстрировать свое пренебрежительное к ним отношение, высказывая нецензурные выражения в отношении потерпевших Н., С. и Е., направил дуло пневматической винтовки с электроприводом калибра 6 мм заводского изготовления, относящейся к изделию, конструктивно сходному с пневматическим оружием, в сторону указанных лиц. Затем Ф., продолжая удерживать в руках указанный предмет, сказал присутствующим в помещении лицам, что он ненавидит русских, что теперь это земля узбеков, она им принадлежит, и что русских надо убивать, тем самым выразил национальную ненависть и вражду по отношению к русским по национальности¹.

Помимо того, что само грубое нарушение общественного порядка может проявляться в вербальной форме, угроза применения насилия может иметь как форму действия, так и совершаться вербально. В этих случаях возможно сочетание вербальной формы как в деянии, так и в способе в виде угрозы применения насилия. К примеру, К. в присутствии посторонних лиц, умышленно, грубо нарушая общественный порядок и выражая явное неуважение к обществу, общепризнанным нормам и правилам поведения, с целью унижения человеческого достоинства, по мотивам национальной ненависти выкрикивал реплики, скандируя бранные фразы и слова, оскорбляющие <данные изъяты>, а также угрозы применения насилия к указанным лицам <данные изъяты>².

В судебно-следственной практике весьма сложным видится вопрос о том, выступает ли обязательным признаком состава хулиганства потерпевший. Следователям ОВД следует иметь в виду, что косвенно необходимость наличия определенных лиц упоминается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45. В частности, в его п. 1 закрепляется: «Действия могут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц». Аналогичная трактовка применительно к толкованию признака «с применением насилия» приводится в п. 1 (1). Ответ на поставленный вопрос прямо не решен в законе при регламентации состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, поскольку в нем указывается на мотив национальной, религиозной, политической, расовой ненависти или вражды. Иначе говоря, побуждением к хулиганским действиям выступает неприязнь

¹ Архив Благовещенского городского суда Амурской области за 2020 г. Д. № 1-1041/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1zpqweI8NQUL/?ysclid=mb62whi58g179208369> (дата обращения: 30.07.2025).

² Архив Виноградовского районного суда Архангельской области за 2019 г. Д. № 1-148/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tgxf9Y3FQFdC/> (дата обращения: 30.07.2025).

к представителям определенной группы. Однако не всегда такие действия обращены именно к этим лицам.

В судебной практике неустановление органами предварительного расследования направленности действий именно на определенных лиц воспринимается как препятствие применения ст. 213 УК РФ. Например, К., находясь на улице, произвел несколько выстрелов *вверх* из охотничьего ружья. В кассационном определении судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции указано, что судом не установлено воздействие на граждан, потерпевшие по делу отсутствуют¹.

Полагаем, что наличие потерпевших граждан напрямую следует из характеристики непосредственного объекта хулиганства, в качестве которого выступает общественный порядок. Именно нарушение интересов членов социума, которые воспринимают их как предосудительные², предопределяет признание потерпевшего одним из обязательных признаков состава. Соответственно, правоприменителям при вменении п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ следует выяснить, носит ли умысел виновного избирательный характер (в отношении отдельных групп) либо универсальный (в отношении любого члена социума, кто не одобряет его действий)³. При этом во всех случаях обязательным для доказывания является мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В научной литературе признание хулиганства полимотивированным преступлением, сочетающим хулиганский и экстремистский мотив, разделяется не всеми учеными⁴. Однако судебная практика полностью поддерживает возможность сочетания нескольких мотивов в хулиганстве. Например, осужденный П. утверждал, что совершил преступление из хулиганских побуждений, а не по мотивам национальной ненависти. Однако Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, посчитав доказанным

¹ Кассационное определение от 21 июня 2022 г. по делу №77-1135/2022 судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12592770&case_uid=67b57561-cd3f-4743-95d2-dbdbe7ffa73e&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 30.07.2025).

² Яни П. С. Проблемы квалификации хулиганства // Законность. 2024. № 11. С. 31–35.

³ Толкование таких групп осуществлено выше в рамках деяния, предусмотренного п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

⁴ Белов М. Н. Состав «хулиганство» в Уголовном кодексе РФ: временная трансформация // Российский судья. 2023. № 10. С. 25–28.

факт проявления грубого нарушения порядка не к случайному прохождению, а именно к представителю отдельной нации¹.

Полагаем, что для хулиганства, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, характерно сочетание хулиганского и экстремистского мотивов, поскольку лицо без повода нарушает правила поведения в обществе, при этом побуждением лица выступает стремление проявить неприятие к определенной группе². Поэтому считаем, что органам предварительного следствия необходимо доказать совокупность указанных мотивов и отразить ее в материалах уголовного дела.

В правоприменительной деятельности проблемным вопросом выступает обязательность установления места совершения преступления (только в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ законодатель четко определил место — железнодорожный, воздушный, морской, иной транспорт общего пользования).

Вместе с тем в судебной практике правоприменители признают общественное место в качестве обязательного признака. Так, суд признал неверной квалификацию действий Г. по ст. 213 УК РФ, поскольку место, в котором произошло грубое нарушение общественного порядка, нельзя признать общественным, ближайшие дома располагались на расстоянии 500 метров, рядом находились лишь баки с отходами³. В этой части позволим себе не согласиться с подобным направлением судебной практики, поскольку место в хулиганстве не должно иметь основополагающего значения. Виновное лицо может игнорировать правила социума, проявляя грубое нарушение порядка в отношении конкретных членов общества, даже находясь не в общественном месте (к примеру, в лесу). Соответственно, необходимо поддержать решение законодателя и не включать место в число обязательных признаков состава хулиганства. При совершении деяния в общественном месте правоприменительным органам, безусловно, следует акцентировать на этом внимание, однако отсутствие такового не следует рассматривать как препятствие для вменения ст. 213 УК РФ.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 9.

² Более подробно мотив ненависти или вражды к определенной группе лиц рассмотрен применительно к п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

³ Архив Гатчинского городского суда Ленинградской области за 2023 г. Д. № 1-23/2023 (№ 1-489/2022). URL: https://gatchinsky-lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=219349464&case_uid=8aad5cb1-0d4a-41ab-a18a-d14d2faf5b13&delo_id=1540006 (дата обращения: 30.07.2025).

Таким образом, вербальная форма хулиганских действий, совершаемых по мотивам национальной, религиозной, расовой, политической и иной ненависти или вражды, предполагает умышленное информационно-словесное нарушение общественного порядка, несоблюдение сложившихся в обществе правил поведения в социуме, в котором проявляется очевидная, открытая демонстрация игнорирования лицом общественных устоев, противопоставление себя обществу. Словесная форма хулиганства может сочетаться (а на практике фактически всегда сочетается) с угрозой насилия или применения оружия (предметов). В данном случае вербальная форма деяния также проявляется и в способе совершения преступления. Органам предварительного расследования следует детально выявить и описать в материалах уголовного дела, в чем выразилось грубое нарушение порядка, а при наличии названных способов еще и отразить содержание угроз применения насилия или оружия, поскольку установление данных способов влияет существенным образом на квалификацию преступления. В частности, в первом варианте угрозы, действия подлежат квалификации по п. «а» и «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ; во втором варианте — по ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Побуждением при хулиганстве, совершенном по мотивам ненависти или вражды к определенной группе, выступает стремление проявить неприятие к определенной группе без какого-либо повода. При этом хулиганские действия могут направляться не только в отношении представителей такой группы, поэтому потерпевшими могут являться и иные лица. Важно, что при совершении преступления против жизни и здоровья, когда ненависть или вражда выступают побуждающим мотивом, лицо не стремится к нарушению общественного порядка, тогда как при хулиганстве этот интерес является основным.

Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ).

Данное деяние было криминализировано относительно недавно, в 2022 г.¹ Отметим, что сложности правоприменения, включая юриди-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 04.03.2022 № 32–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ческую оценку, связаны не только с особенностями анализируемого состава преступления, но и тем, что наименование, норма, структура ст. 280.3 УК РФ неоднократно менялись в 2022–2025 гг.¹

На сегодняшний день деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, сформулировано законодателем как преступление с административной преюдицией. Для решения вопроса об уголовной ответственности и установления наличия состава преступления, закрепленного в ч. 1, от правоприменителя требуется, чтобы виновный ранее уже привлекался к ответственности за аналогичное деяние по ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). То есть на момент совершения уголовно наказуемого деяния постановление о назначении административного наказания должно вступить в законную силу. Если же оно было исполнено, то годичный срок со дня окончания исполнения не должен истечь к моменту решения вопроса о наличии состава преступления и возбуждения уголовного дела. Важным для привлечения по ст. 280.3 УК РФ также является тот факт, что постановление по ст. 20.3.3 КоАП РФ не пересматривалось, а также то, что его исполнение не прекращалось².

В действующей на данный момент редакции ч. 2 ст. 280.3 УК РФ установлена ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1 этой же статьи, совершенное общим субъектом из корыстных побуждений или по найму, или же повлекшее смерть по неосторожности и (или) причи-

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.03.2023 № 58–ФЗ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.03.2022 № 63–ФЗ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.12.2023 № 641–ФЗ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон и от 21.04.2025 № 90–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Эти правила определены в разъяснениях высшей судебной инстанции относительно иных составов преступлений с административной преюдицией. См., например, п. 10 (5) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»; п. 17.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нение вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. В этом случае не требуется наличия ранее имевшего место факта привлечения к административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Нужно признать, что вербальная форма деяния обуславливает общественно опасные последствия, но не отражается в них напрямую и непосредственно. В действующей на данный момент редакции статьи 280.3 УК РФ в ее ч. 1 содержатся признаки формального состава преступления, не требующего наступления общественно опасных последствий, а в ч. 2 — формально-материального (на что указывает раздельительный союз «а равно»).

Норма ст. 280.3 УК РФ, включенная в главу 29 раздела X УК РФ, охраняет общественные отношения, связанные с государственной властью. Потерпевшими в уголовно-правовом смысле выступают Вооруженные Силы Российской Федерации, Росгвардия, а также добровольческие формирования¹, организации или лица, чья деятельность неразрывно связана с защитой государства, поддержанием международного мира и безопасности. В силу этого правоприменитель должен доказать и отразить в материалах уголовного дела факт наличия такого обязательного признака состава преступления, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 280.3 УК РФ, как потерпевший. С точки зрения учения о составе преступления и содержания анализируемой уголовно-правовой нормы ими могут быть персонализированные виновным физические лица. При этом в судебной практике все-таки чаще встречаются деяния, когда виновные лица затрагивают интересы особых по своим характеристикам групп, образований (структур), профессиональная деятельность или следование гражданскому долгу членов которых направлены на защиту суверенитета Российского государства, обеспечение его внешней и внутренней безопасности (т. е. в условиях отсутствия персонификации). В качестве типичного примера указания виновным на потерпевшего (т. е. признака состава преступления) приведем дело Б. Н. С. Этот гражданин, уже ранее привлеченный к ответственности по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, разместил в социальной сети

¹ По данным Минобороны России, на начало августа 2024 г. в зоне проведения специальной военной операции боевые задачи выполняли более 30 добровольческих отрядов и формирований. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/21548401> (дата обращения: 10.08.2025).

«ВКонтакте» аудиозапись, на которой согласно заключению эксперта действия «русских/российских военных», осуществляемые на Украине, характеризуются как насильственные, преступные, связанные с убийствами и пытками. Суд признал Б. Н. С. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280.3 УК РФ¹.

Объективная сторона анализируемого преступления экстремистской направленности, совершаемого в вербальной форме, выражается в публично осуществляемых действиях, направленных на дискредитацию определенной правомерной деятельности (и в ч. 1, и в ч. 2 ст. 280.3 УК РФ). К уголовно наказуемым действиям законодатель отнес также «публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях». Эти публичные действия, относимые к вербальным, в т. ч. призывы, могут быть выражены в разных формах: устной, письменной, печатной, аудио-, видеозаписях, что не имеет определяющего значения для квалификации, но влияет на процесс доказывания².

Чаще всего действия виновных образуют продолжаемое преступление: в наличии тождественные деяния, совершенные с небольшим разрывом во времени, единым способом, объектом/предметом и целью, указывающие на единство умысла³ (и наличие одного состава преступления соответственно).

Как пример можно привести деяние С., который, заведомо зная, что Вооруженными Силами Российской Федерации проводится специальная военная операция, действуя умышленно, осуществлял движение по территории Нижегородской области и г. Нижнему Новгороду на личном автомобиле «Лада Калина». На заднем стекле данного автомобиля был наклеен плакат в цветах флага <адрес обезличен судом> с надписью «Нет позорной войне», который демонстрировался неопределенному кругу других лиц. Автомобиль С. был остановлен, а преступные действия С. пресечены. В соответствии с заключением экспертов текст, размещенный на заднем стекле автомобиля в составе печатного материала в цветах флага <адрес обезличен> «Нет позорной войне», носит публичный характер: обладает признаками публичного

¹ Архив Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики за 2024 г. Д. № 1-937/2024. URL: <https://судебныерешения.рф/85554731> (дата обращения: 16.07.2025).

² Указанный аспект будет проанализирован ниже в рамках § 2 настоящих методических рекомендаций.

³ Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

текста по своим семантико-стилистическим, грамматическим и жанровым характеристикам. В указанном тексте содержится совокупность политологических и лингвистических признаков дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Политологический анализ показал наличие признаков побуждений к действиям: к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. По данному эпизоду С. был признан судом виновным по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ¹. Из этого примера следует, что С. действовал определенным образом сравнительно продолжительный период, не менял ни способ совершения преступления, ни форму выражения, действовал умышленно с конкретными целями, что в итоге было доказано органами предварительного расследования и обусловило вынесение судом обвинительного приговора.

Заметим, что в уголовно-правовых исследованиях отмечается, что, исходя из тенденций складывающейся судебно-следственной практики, квалификация содеянного как реальной совокупности преступлений не исключена. Она возможна в случаях, «когда распространение недостоверных сведений объективно было осуществлено со значительным разрывом во времени (например, в несколько дней) и содержательно затрагивало принципиально разные события, факты, процессы»².

Публичные действия, охватываемые составом преступления, предусмотренным ст. 280.3 УК РФ, относимые к вербальным (включая призывы), всегда имеют единое предназначение, ограничивающее их от схожих по внешним признакам иных преступлений экстремистской направленности, совершаемых в вербальной форме, а именно дискредитацию³.

Толкование признака дискредитации в контексте ст. 280.3 УК РФ сопряжено с существенными трудностями ввиду неоднозначности его содержания. Итак, слово «дискредитация» имеет иностранное проис-

¹ Архив Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода за 2022 г. Д. № 1-381/2022. URL: <https://судебныерешения.рф/72079311> (дата обращения: 17.07.2025).

² Шипунова М. Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных Силах Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 3. С. 41–45.

³ Брагина А. Г. О содержании и взаимосвязи признаков «дискредитация» и «публичность» в составе преступления, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы XXI Междунар. научно-практ. конф-ции / под ред. Ю. В. Анохина: в 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2023. Ч. 2. С. 10–11.

хождение: *discréditer* на французском языке означает «подрывать доверие». Сам глагол «дискредитировать» в лингвистике, помимо подрыва доверия к кому-, чему-нибудь, означает также и «умалить (умалить) чей-нибудь авторитет»¹. В определенном смысле дискредитация схожа с признаками объективной стороны составов клеветы, в т. ч. специальных (ст. 128.1, 298.1 УК РФ), оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ), административно наказуемого оскорбления (ст. 5.61 КоАП РФ). Ключ к пониманию дискредитации заключается в том, что при ней «коммуникативная целеустановка говорящего/пишущего направлена в первую очередь на выражение негативной оценки объекта, а также приведение доводов в качестве обоснования такой позиции (например, указание на то, что результатом действий российских военных является бедствие, неблагополучие мирных жителей, сравнение их действий с действиями фашистов, указание на то, что их действия являются насильственными, незаконными, преступными, направленными на причинение вреда и т. д.)»². Внешне она четко демонстрирует содержание и направленность конкретных публичных действий: цель действий виновного не критика или анализ, а формирование у аудитории антигосударственных взглядов и недоверия к институтам власти. Это и объясняет отнесение законодателем к разновидности уголовно наказуемых действий, образующих объективную сторону анализируемого состава преступления, публичных призывов.

Призывы, в свою очередь, с точки зрения Верховного Суда Российской Федерации представляют собой обращения к другим лицам с целью побуждения их к определенной противоправной деятельности, обладающие конкретной направленностью³. Исходя из законодательного определения призывов (примечание 1 к ст. 205.2 УК РФ, разъяснения высшей судебной инстанции) можно согласиться с мнением С. В. Мурадян, которая предлагает понимать под призывами в рамках ст. 280.3 УК РФ «обращения к другим лицам с целью побудить их воспрепятствовать использованию Вооруженных Сил Российской Феде-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 163.

² Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан: информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022.

³ Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рации для защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности»¹. Также уточним, что безадресное распространение конкретной информации призывами быть не может. Виновный всегда действует антисоциально и умышленно в отношении других лиц, формируя их идеологию, создавая в сознании адресата речевого акта некий идеал и образец функционирования его в общественно-политическом дискурсе, побуждая другого человека к выполнению действий, нужных субъекту преступления², в конкретных преступных целях, в т. ч. желая получить за содеянное вознаграждение (имущественную выгоду), действуя по найму (ч. 2 ст. 280.3 УК РФ). О последнем считаем необходимым уточнить, что возможно установление полного отсутствия экстремистской «идеологической платформы» у виновного, исключительно корыстного интереса (в частности, когда имеет место профессиональная отработка заказа за вознаграждение).

Таким образом, по итогам настоящего параграфа правоприменительно рекомендовано:

1. Детально рассматривать мотив преступления, его отграничение от личных неприязненных отношений, а также видов ненависти или вражды.

2. Учитывать взаимосвязь «традиционных» признаков состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, с признаком мотива, предусмотренным п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, в части, касающейся установления грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, с ненавистью или враждой.

3. Учитывать сложное значение термина «дискредитация» в составе преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ.

4. При применении нормы ч. 1 ст. 280.3 УК РФ учитывать положения административного законодательства, а ч. 2 вышеупомянутой нормы — дополнительный мотив.

¹ Мурадян С. В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации или исполнения государственными органами своих полномочий // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 89.

² Новоселова А. Н., Зайцева А. А. Соотношение понятий «пропаганда» и «призыв» в контексте судебно-лингвистической экспертизы // Законность и правопорядок. 2023. № 2 (38). С. 50.

§ 2. Особенности расследования следователями органов внутренних дел преступлений экстремистской направленности, совершаемых в вербальной форме

Согласно перечню № 20, предусмотренному указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 462/11 и МВД России № 2 от 25.06.2024, преступления экстремистской направленности, совершаемые в вербальной форме, расследование по которым осуществляется следователями ОВД, как правило, связаны с непосредственным контактом с потерпевшим, а экстремистские «настроения» выступают мотивом, побуждающим к совершению данных преступлений. Исходя из особенности способов совершения названной выше группы преступлений, специфичным будет и механизм слеодообразования выражения экстремистской направленности, который в большей степени представлен идеальными следами (показания потерпевшего, подозреваемого, свидетелей). Материальные же следы, отражающие факт мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, могут остаться в аудиозаписях (диктофон сотового телефона), видеозаписях (запись с камеры видеонаблюдения, записывающая со звуком; видеозапись сотового телефона), а также в виде текстов (например, при хулиганстве преступник оставил краской надпись на стене в общественном месте, которая бы выражала ненависть к какой-либо социальной группе по национальному признаку).

Выделенные на основе изученной криминалистической характеристики вероятные следы, указывающие на экстремистскую направленность преступления, обуславливают рассмотрение в данном разделе особенностей методики расследования уголовных дел в части назначения фоноскопической и лингвистической судебных экспертиз и получения образцов для сравнительного исследования.

Результаты проведенных исследований названных судебных экспертиз позволят принять верное решение относительно вменения преступнику квалифицирующего признака «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Фоноскопическая экспертиза — это криминалистическое исследование фонограмм с целью идентификации личности по устной речи, а также технического исследования звуковой информации и аппаратуры звукозаписи. Предмет фоноскопической экспертизы — доказатель-

ственная информация, содержащаяся в фонограммах. Объектами фоноскопической экспертизы являются фонограммы русской речи, содержащие криминалистически значимую речевую информацию.

Получение сравнительных образцов устной речи является основным этапом подготовки материалов при назначении фоноскопической экспертизы.

К их видам относятся:

1. Свободные образцы — фонограммы голоса и речи лица, выполненные до возбуждения и вне связи с уголовным делом.

2. Условно свободные образцы — фонограммы следственных действий, в ходе которых применяется звукозапись.

3. Экспериментальные образцы — это речь лица, фиксируемая специально для криминалистического фоноскопического исследования.

Они могут быть записаны:

3.1. в форме беседы на определенную тему (произвольную или заранее намеченную, например, в виде рассказа по тематике, связанной с содержанием фонограммы, представленной на исследование, с обстоятельствами дела и т. д.);

3.2. в виде рассказа автобиографических данных.

Основные требования получения образцов голоса и речи, которые должны соблюдаться следователем, следующие.

Образцы голоса и речи должны быть представлены в виде развернутых ответов длительностью не менее 15 минут, не считая пауз, допускаемых лицом. Предпочтение следует отдать образцу в виде свободной беседы.

Рекомендуется попросить подозреваемого произносить реплики из разговора со спорной фонограммы, при этом не читать с листа, а повторять их за следователем. Голос и речь на образцах должны быть максимально сопоставимы с голосом и речью на спорной фонограмме.

Являются несопоставимыми:

- чтение и спонтанная речь (чтение на образцах недопустимо!);
- существенные различия в эмоциональном состоянии дикторов на спорной фонограмме и образцах (например, подавленность и непринужденность нередко приводят либо к ограниченной пригодности, либо к невозможности проведения идентификационных исследований в целом).

Рекомендуется вести беседу в манере, приближенной к разговору на спорной фонограмме. Так, если на спорной фонограмме разговор проходит в непринужденной форме, динамично, то необходимо приблизить атмосферу общения при изъятии образцов к подобному стилю (необходимо избегать сдержанного официально-делового подхода).

Образцы могут быть представлены как на аудио-, так и на видеоносителях.

Сопоставимость технических параметров спорных фонограмм и образцов достигается за счет применения идентичного звукозаписывающего оборудования. Перед фиксацией итоговых образцов необходимо:

- провести пробную звукозапись;
- оценить ее качество на слух;
- при необходимости скорректировать настройки оборудования или условия записи.

При записи рекомендуется использовать выносной микрофон, размещенный перед диктором на расстоянии 30–40 см и направленный непосредственно на него. Для снижения передачи структурных шумов подставку микрофона следует установить на мягкий звукопоглощающий материал (поролон, текстиль и т. п.).

В числе требований к поведению диктора можно назвать следующие:

- исключить любые посторонние шумы;
- обеспечить естественное звучание речи.

Назовем также требования к процессу звукозаписи:

- расстояние между микрофоном и диктором не должно превышать 60–80 см;
- запрещено размещать микрофон в удаленных или экранированных позициях (на подоконнике, под столом, под головным убором и т. п.);
- запрещено перебивать диктора во время произнесения речевого материала.

Необходимо дать возможность завершить каждую фразу без помех.

Очень важно следить за тем, чтобы диктор, чьи образцы изымаются, не производил различные шумы и не искажал речевые признаки.

В ходе получения образцов голоса и речи запрещается:

- располагать микрофон звукозаписывающего устройства дальше 60–80 см от собеседника;
- перебивать собеседника.

Наиболее распространенные факторы получения непригодных образцов голоса и речи:

- изъятие образцов в помещении с голыми стенами, без мебели (например, в следственном изоляторе): получаемое эхо существенно искажает на записи речевые сигналы;

- расположение микрофона далеко (либо в стороне) от лица, чей голос изымается;
- психофизиологическое состояние лица, чей голос изымается: чрезмерная усталость, опьянение, чрезмерная эмоциональная возбужденность (крик, плач) и т. п.;
- изъятие образцов при наличии посторонних шумов, стуков, голосов (в т. ч. доносящихся из открытого окна), музыки, треска, скрипа и т. п.;
- изъятие образцов в виде чтения.

При подготовке материалов для производства фоноскопической экспертизы отдельное внимание стоит уделить постановлению о ее назначении. Так, в постановлении о назначении фоноскопической экспертизы дополнительно необходимо указать «установочные данные на подозреваемого: фамилия, имя и отчество полностью, сведения о месте и дате рождения, национальности, родном языке, образовании, профессии, месте наиболее длительного проживания, знании иностранных языков; имена, фамилии, а также клички (если имеются) лиц, принимающих участие в разговорах; названия организаций, населенных пунктов и т. п., о которых идет речь в разговорах; условия и обстоятельства звукозаписи, дата, время, характеристика помещения; тип и название звукозаписывающего средства (диктофона/телефона), использовавшегося для фиксации разговора»¹.

Также отметим, что оперативность и качество экспертизы во многом зависят от консультативного взаимодействия следователя и эксперта при формулировании вопросов. Поэтому настоятельно рекомендуется заранее согласовывать их с экспертным учреждением.

Одной из диагностических задач является установление дословного содержания разговора². Задача установления дословного содержания ставится перед экспертами при низкой разборчивости речевых сигналов на фонограмме. В иных случаях установление дословного

¹ Ануфриева Е. А. Типичные следственные ошибки, допускаемые при подготовке к назначению фоноскопической экспертизы по делам о коррупционных преступлениях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 196.

² Типовая формулировка вопроса: установить дословное содержание разговора, зафиксированного на фонограмме, начинающейся со слов «...» (указываются первые разборчивые реплики) и заканчивающейся словами «...» (указываются последние разборчивые реплики), расположенной на «...» (указывается носитель). Также, поскольку в тексте дословного содержания участники разговора обозначаются при помощи буквенных и цифровых индексов (мужские М1, М2 и т. д., женские Ж1, Ж2 и т. д., детские Д1, Д2), вопрос о количестве лиц, участвующих в разговоре, не ставится.

содержания не требует использования специальных средств, методов и знаний. Эксперты устанавливают дословное содержание речи, звучащей только на русском языке.

Для сокращения сроков производства экспертизы рекомендуется выделять для исследования только криминалистически значимые фрагменты фонограммы с указанием их текстовых или временных границ в постановлении.

При проведении идентификационных исследований к заключению эксперта прилагаются тексты фонограмм (установленное дословное содержание разговоров), по которым были идентифицированы сравниваемые лица (т. е. имеется представленный в категоричной или вероятной форме вывод о принадлежности голоса и речи, зафиксированной на фонограмме, определенному лицу). Из этого следует, что если фонограмма признается экспертами непригодной для проведения идентификационных исследований, то установление ее дословного содержания при отсутствии изложенных в обстоятельствах дела иных оснований не является экспертной задачей.

Типовой вопрос, решаемый в рамках производства идентификации лиц по фонограммам устной речи:

Имеются ли на представленной фонограмме, начинающейся со слов «...» (указываются первые разборчивые реплики) и заканчивающейся словами «...» (указываются последние разборчивые реплики), расположенной на «...» (указывается носитель), голос и речь «...» (указывается Ф. И. О. лица), образцы которого представлены для сравнительного исследования?

Особенностью подготовки материалов для назначения фоноскопической экспертизы является обязательное предоставление копии протокола осмотра и прослушивания фонограмм с той ее частью, которая требует проведения экспертизы.

Лингвистическая экспертиза разрешает вопросы смыслового понимания, исследуя языковые особенности текста. Выводы эксперта-лингвиста помогают выявить в основном объективные признаки (или, наоборот, определить отсутствие таковых), т. е. не дают полного представления о наличии в деянии конкретного состава преступления экстремистской направленности. Кроме того, в выводах эксперта-лингвиста содержатся сведения, которые могут помочь установить большую часть признаков конкретного состава преступления экстремистской направленности, при этом основная нагрузка в оценке содержания ложится именно на правоприменителя: выводы эксперта-лингвиста не могут быть напрямую соотнесены с конкретным признаком или даже элементом состава преступления.

Объектами лингвистической экспертизы являются тексты, выполненные на русском языке, зафиксированные на бумажных, фото-, аудио- или видеоносителях.

При предоставлении уличных текстов необходимо также предоставление фототаблицы, являющейся приложением к проведенному осмотру места происшествия, и других материалов, представляющих информацию о месте размещения исследуемого текста.

Не являются объектами лингвистической экспертизы носители информации, в которых используются только невербальные способы передачи информации¹, а также материалы уголовного дела, показания свидетелей, в которых пересказывается устный или письменный текст, являющийся предметом разбирательства.

Эксперт-лингвист устанавливает высказывания, в которых:

- идет речь о насильственных (враждебных) действиях одной группы лиц в отношении другой группы лиц;
- выражается утверждение о преимуществах, превосходстве одной группы лиц по отношению к другой группе лиц;
- выражается негативная оценка групп лиц, объединенных по конкретному признаку;
- имеется утверждение необходимости, обоснование необходимости или положительная оценка враждебных (насильственных) действий по отношению к каким-либо лицам;
- содержится побуждение к враждебным (насильственным) действиям по отношению к каким-либо лицам;
- выражена вербальная агрессия в форме угроз по отношению к лицам или группам лиц².

При этом названные выше группы объединены по признакам их принадлежности к какой-нибудь расе, национальности, религии или к какой-нибудь другой группе, организациям, политическим партиям, органам власти, представителям власти и т. п.

В связи с этим выделяются типовые вопросы, которые могут быть поставлены перед экспертом-лингвистом:

¹ Назарова Т. В., Громова А. В. Объекты и задачи лингвистических и автороведческих экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Судебная экспертиза Беларуси. 2016. № 1 (2). С. 44.

² Брагина А. Г., Мамаев Н. Ю., Манянин П. А. Применение специальных лингвистических познаний при выявлении и расследовании преступлений экстремистской направленности: учебно-метод. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2011. С. 37–38.

1. Имеются ли высказывания, в которых негативно оценивается человек или группа лиц по признакам (далее инициатором конкретизируется признак):

- а) пола;
- б) расы, национальности, языка, происхождения;
- в) отношения к религии;
- г) принадлежности к какой-либо группе?

Относятся ли речевые средства выражения негативной оценки к уничижительным и (или) характеризующим лицо (группу лиц) как врага, источник вреда, зла, опасности?

2. Имеются ли в представленном тексте высказывания, выражающие обоснование и (или) утверждение необходимости совершения враждебных (насильственных) действий одной группой лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам (далее инициатором конкретизируется признак):

- а) пола;
- б) расы, национальности, языка, происхождения;
- в) отношения к религии;
- г) принадлежности к какой-либо группе?

3. Имеются ли в представленном тексте высказывания, выражающие побуждение к совершению враждебных (насильственных) действий одной группой лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам (далее инициатором конкретизируется признак):

- а) пола;
- б) расы, национальности, языка, происхождения;
- в) отношения к религии;
- г) принадлежности к какой-либо группе?¹

4. Характеризуются ли действия Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляемые на какой-либо территории, как преступные, захватнические, фашистские, связанные с геноцидом, убийством мирных граждан и др.?²

¹ Громова А. В., Манянин П. А. Применение результатов лингвистических экспертиз и исследований при выявлении и расследовании преступлений экстремистского, террористического характера, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: практ. рек-ции. М.: ЭКЦ МВД России, 2025. С. 29, 35.

² Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан: информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022.

Данный перечень вопросов не является полным, вопросы могут быть откорректированы и/или сформулированы в рамках консультативного взаимодействия с экспертом.

Инициатор указывает в поставленном перед экспертом вопросе только те признаки, объединяющие лиц в определенную группу, которые содержатся в конкретном высказывании.

Понятия «раса», «национальность», «происхождение» для определения совокупности лиц, объединенных по этим признакам, близки по значению и экспертом не разграничиваются.

Правомочными органами власти не разъяснено понятие «социальная группа» в аспекте применения выводов судебной лингвистической экспертизы при юридической оценке деяния. Эксперт-лингвист при проведении исследования может выявлять высказывания, касающиеся группы лиц, объединенных по каким-либо устойчивым признакам, связанным с жизнью людей в обществе, их отношениями, принадлежностью к общественной группе: общность профессий, занятий какой-либо деятельностью, общность интересов, взглядов и т. п.

Как ранее было отмечено, доказывание по рассматриваемым преступлениям во многом строится за счет собирания идеальных следов. По делам о насильственных преступлениях экстремистской направленности особое внимание следует уделять следующим категориям свидетелей: очевидцам (случайным, связанным с участниками, наблюдавшим действия и события, отражающие какие-либо элементы механизма преступления); лицам, способным дать личностную характеристику субъекта преступления, потерпевшему; лицам, участвовавшим в пресечении конфликта, преследовании и задержании субъектов преступления, оказании первой помощи потерпевшим; медицинским работникам, оказывавшим помощь потерпевшим; воспитателям и наставникам несовершеннолетних субъектов преступления¹.

Независимо от процессуального статуса допрашиваемых, объема и характера владения ими информацией, имеющей значение для расследования, в рамках подготовки к допросу следователю необходимо сформулировать следующие направления формируемых показаний:

- непосредственное или опосредованное восприятие конфликта;

¹ Скрипка А. А. Общие положения допроса потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 161.

- наличие и характер взаимоотношений допрашиваемого с участниками конфликта (а также наличие и характер взаимоотношений участников конфликта между собой), при наличии взаимоотношений — основные, по мнению допрашиваемого, характерологические особенности этих лиц;

- механизм возникновения, реализации и завершения конфликта: обстоятельства конфликта, действия всех участников;

- последствия конфликта;

- обстоятельства, указывающие именно на экстремистский характер или подоплеку конфликта, отличающие его от конфликта на почве корыстных, хулиганских побуждений, семейно-бытовых разногласий.

Таким образом, среди особенностей методики расследования данных преступлений, во-первых, можно отметить назначение ряда специфических судебных экспертиз по объектам устной или письменной речи, представленных в качестве аудио-, фоно- или видеограммы; во-вторых, работу с идеальными следами, представленную показаниями подозреваемого, потерпевшего и свидетелей, направленную на установление у подозреваемого мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Заключение

Анализ преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст. 111, 117, 213 и 280.3 УК РФ, расследование уголовных дел по которым осуществляется следователями ОВД, позволил установить, что наиболее значимым признаком их составов является мотив. Авторами определены его содержательные аспекты, выделены правила оценки и алгоритм фиксации на уровне процессуальных документов.

Установлено, что вербальная форма выражения характерна и для объективной стороны, однако лишь для части исследованных составов. При этом словесная форма хулиганства в реальности всегда сочетается с угрозой насилия или применения оружия (предметов), проявляется также и в способе совершения этого преступления.

Для состава публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, вербальная форма является преимущественной, в т. ч. для квалифицированного его вида.

В числе особенностей расследования уголовных дел по рассматриваемым преступлениям авторы выделили фоноскопическую и лингвистическую судебные экспертизы по объектам устной или письменной речи, необходимость назначения которых продиктовано специфичностью следов, указывающих на экстремистскую направленность преступления.

Особого внимания от правоприменителя требует формулировка вопросов и подготовка материалов, предоставляемых эксперту, от качества которых зависит возможность дачи ответа на поставленные перед экспертом вопросы.

Кроме того, в методических рекомендациях подчеркивается, что значительный пласт доказательственной базы формируется за счет фиксации идеальных следов преступления в показаниях участников уголовного процесса, сбору которых способствует формулировка правильных вопросов допрашиваемому.

Список использованных источников

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. О едином учете преступлений [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Министерства экономического развития и торговли России и Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399. Приложение № 3. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

6. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс]: указание Генеральной прокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан: информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022.

II. Учебная и научная литература

8. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.

9. Ануфриева Е. А. Типичные следственные ошибки, допускаемые при подготовке к назначению фоноскопической экспертизы по делам о коррупционных преступлениях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67), № 1. С. 192–197.

10. Белов М. Н. Состав «хулиганство» в Уголовном кодексе РФ: временная трансформация // Российский судья. 2023. № 10. С. 25–28.

11. Брагина А. Г., Мамаев Н. Ю., Манянин П. А. Применение специальных лингвистических познаний при выявлении и расследовании преступлений экстремистской направленности: учебно-метод. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2011. 70 с.

12. Брагина А. Г. О содержании и взаимосвязи признаков «дискредитация» и «публичность» в составе преступления, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы XXI Междунар. научно-практ. конф-ции / под ред. Ю. В. Анохина: в 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2023. Ч. 2. С. 10–11.

13. Брагина А. Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2008. 210 с.

14. Громова А. В., Манянин П. А. Применение результатов лингвистических экспертиз и исследований при выявлении и расследовании преступлений экстремистского, террористического характера, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: практические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2025. 48 с.

15. Громова Н. С. Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 211–214.

16. Громова Н. С. Вербальный экстремизм: превентивная политика и стратегии противодействия // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2015. № 4. С. 194–214.

17. Дединкин А. Л. Терминологизация категории «вербальный экстремизм»: юрислингвистическое осмысление // Язык и ментальность в диахронии: сб. науч. тр. по итогам IV Всерос. науч. семинара для молодых ученых с междунар. участием, посв. 90-летию со дня рождения В. В. Колесова (Владимир, 27 сентября 2023 г.). Владимир: Владимирский гос. ун-т имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2024. С. 527–534.

18. Ермакова О. В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М.: Юрлитинформ, 2022. 384 с.

19. Назарова Т. В., Громова А. В. Объекты и задачи лингвистических и автороведческих экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Судебная экспертиза Беларуси. 2016. № 1 (2). С. 43–46.

20. Мурадян С. В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации или исполнения государственными органами своих полномочий // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 87–94.

21. Никишин В. Д. Тенденции и опыт противодействия идеологии религиозного экстремизма и терроризма на европейском пространстве // Новые вызовы терроризма и экстремизма: формы и методы противодействия: мат-лы II Междунар. научно-практ. конф-ции (Владимир, 16 марта 2017 г.). Владимир: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2017. С. 63–68.

22. Новоселова А. Н., Зайцева А. А. Соотношение понятий «пропаганда» и «призыв» в контексте судебно-лингвистической экспертизы // Законность и правопорядок. 2023. № 2 (38). С. 48–51.

23. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений. 3-е изд., стер. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.

24. Панина Ю. А., Левченко А. И. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности как средство противодействия экстремизму // Гражданин и право. 2022. № 9. С. 46–48.

25. Скрипка А. А. Общие положения допроса потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 157–164.

26. Таюрская Е. А. Политическая, идеологическая, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда как мотивы совершения преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 3. С. 23–24.

27. Шипунова М. Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных Силах Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 3. С. 41–45.

28. Яни П. С. Проблемы квалификации хулиганства // Законность. 2024. № 11. С. 31–35.

III. Эмпирические материалы

29. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2013. Д. № 46-АПУ13-20. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/sj1KsW6yO1Ys> (дата обращения: 01.08.2025).

30. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2019. Д. № 205-АПУ19-37. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/fvsSv6zhrwJa> (дата обращения: 01.08.2025).

31. Архив Благовещенского городского суда Амурской области за 2020 г. Д. № 1-1041/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1zpqweI8NQUl/?ysclid=mb62whi58g179208369> (дата обращения: 30.07.2025).

32. Архив Виноградовского районного суда Архангельской области за 2019 г. Д. № 1-148/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tgxf9Y3FQFdC/> (дата обращения: 30.07.2025).

33. Архив Гатчинского городского суда Ленинградской области за 2023 г. Д. № 1-23/2023 (№ 1-489/2022). URL: https://gatchinsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=219349464&case_uid=8aad5cb1-0d4a-41ab-a18a-d14d2faf5b13&delo_id=1540006 (дата обращения: 30.07.2025).

34. Архив Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода за 2022 г. Д. № 1-381/2022. URL: <https://судебныерешения.рф/72079311> (дата обращения: 17.07.2025).

35. Архив Михайловского районного суда Алтайского края за 2019 г. Д. № 1-115/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mnOD54i5Vg1O/> (дата обращения: 01.08.2025).

36. Архив Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики за 2024 г. Д. № 1-937/2024. URL: https://судебные_решения.рф/85554731 (дата обращения: 16.07.2025).

37. Архив Симоновского районного суда г. Москвы за 2019 г. Д. № 1-363/19. URL: <https://ms.mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/criminal> (дата обращения: 01.08.2025).

38. Архив Судакского городского суда Республики Крым за 2018 г. Д. № 1-41/2018. URL: https://sudak--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=213877199&case_uid=ad0b3879-4710-429a-b81f-e45c725f75bf&delo_id=1540006 (дата обращения: 01.08.2025).

39. Архив Тверского районного суда Московской области за 2022 г. Д. № 01-0332/2022. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/criminal/details/5c5bc4b0-a918-11ec-a683-bb3a2aada925?participant=Новиков> (дата обращения: 30.07.2025).

40. Кассационное определение от 21 июня 2022 г. по делу № 77-1135/2022 судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12592770&case_uid=67b57561-cd3f-4743-95d2-dbdbe7ffa73e&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 30.07.2025).

41. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 9.

42. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

43. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

44. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

45. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Содержание

Введение	3
§ 1. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности, совершаемых в вербальной форме, расследование уголовных дел по которым осуществляется следователями органов внутренних дел	5
§ 2. Особенности расследования следователями органов внутренних дел преступлений экстремистской направленности, совершаемых в вербальной форме.	24
Заключение	33
Список использованных источников.....	34

Учебное издание

Брагина Анна Григорьевна
Ермакова Ольга Владимировна
Суверов Сергей Евгеньевич
Лоос Евгений Викторович
Крынин Алексей Андреевич

**Преступления экстремистской направленности,
совершаемые в вербальной форме: проблемы
квалификации и особенности их расследования
следователями ОВД**

Методические рекомендации

Редактор	Ю. С. Жолобова
Корректурa,	
компьютерная верстка	С. В. Калининой
Дизайн обложки	О. С. Ткачевой

Подписано в печать 10.09.2026. Формат 60х84/16.
Ризография. Усл.п.л. 2,5. Тираж 39 экз. Заказ 420.
Барнаульский юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф.